

С другой стороны, текст памятника не позволяет сделать определенный вывод о существовании права помещика на парцеллы, крестьяне имеют только право распоряжения ими³. В пределах общины γεωργοί были, совершенно очевидно, собственниками своих земельных участков, хотя в этих своих правах ограничивались правом общины или правом других ее членов.

Тот факт, что эти сами ведущие свое хозяйство крестьяне повсеместно обозначаются термином γεωργοί, не может быть использован для доказательства их полного социального равенства. Нельзя также на основании анализа различных телесных наказаний, применяемых по «Земледельческому закону» за нарушение прав собственности, причислять всех γεωργοί в целом к humiliores, как это делает Эшбернер⁴. Поразительно, что ни в одной из 23 статей⁵, в которых перечисляются такие обычные для рабов и humiliores наказания, как побои, членовредительство, клеймение, смерть на костре, преступник не называется γεωργός (даже там, где речь вполне определенно идет о нем)⁶; здесь говорится о пастухах, полевых сторожах, μισθωτοί⁷, именно о них идет речь в большинстве такого рода статей, а это как раз означает, что при этом имеются в виду не все γεωργοί, а в первую очередь те, кто оказался на более низких ступенях социальной лестницы. Категория этих экономически слабых γεωργοί, которые иногда обозначаются как ἄποροι γεωργοί (§ 14), γεωργοί ἀπορήσαντες (§ 11, 12, 18), выступает в разных видах. Их бедность выражается прежде всего в том, что они отдают за долю в урожае участки земли для обработки, а затем и в том, что они сначала временно, а в конце концов навсегда оставляют свою землю. Этому сопутствует вначале случайная, а позднее постоянная практика нанимательства за плату. Следовательно, можно отчетливо наблюдать процесс социальной деградации земледельцев как следствия их экономического ослабления.

Прежде всего, перед нами крестьянин, который не в состоянии сам обрабатывать весь свой земельный участок. Он передает поле (§ 11, 13—15) или виноградник (§ 12) другому γεωργός либо вследствие отсутствия рабочей силы, либо вследствие недостатка в зерне для посева или даже в орудиях труда. Степень обработки участка и доля в урожае, которую имел обрабатывающий, как правило, составляла половину⁸ и устанавливалась на основании договора (см. особенно § 11⁹ τὰ σὺμφωνά). Если об-

³ Статьи 9 и 10, в которых упомянуто об отношениях между μορτίτης и χωροδότης, хотя и допускают предположение в этом направлении, все же не могут служить доказательством этого. Таким образом, высказанные П. Лемерлем (*Leмерлем P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes.* — «Revue historique», 219, 1958, p. 57) и М. Я. Сюзюмовым (*Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону».* — ВВ, X, 1956, с. 29 и сл.), мы считаем совершенно обоснованными.

⁴ Ashburner W. Op. cit., II, 73, 76.

⁵ § 28, 30, 33, 34, 41, 42, 44, 58—61, 64, 66, 68—70, 75—80 (§ 46, 47 относится к рабам). Об этом подробнее см.: Ashburner W. Op. cit., II, 73—76; см. также: Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона. — В кн.: Византийский сборник. М.—Л., 1945, с. 102.

⁶ См. § 66, 78—80. Причем в § 66 и 80, возможно, речь идет о долгое время находившихся в отсутствии, только что возвратившихся, а потому экономически слабым γεωργοί.

⁷ § 28: ἀγελάριος; § 33: ἀποροφύλαξ; § 34: ποιμήν μισθωτός.

⁸ Ashburner W. Op. cit., II, 80 f.

⁹ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 40) объясняет эту статью в смысле условия оплаты труда μισθωτός, который «при определенных условиях фактически превратился в арендатора». Но был ли в состоянии ἀπορήσας γεωργός, у которого, очевидно, даже отсутствует посевное зерно, заставить работать на себя рабочую силу за плату? Притом § 11 непосредственно предшествует статьям, касающимся ἡμισεία, данной в § 12—15. Также и формулировка ἐάν τις γῆν λάβῃ, по нашему мнению, не говорит в пользу отношений оплаты. Равным образом представляется, что ссылка на μισθωτός в § 24 не вполне убедительна. Здесь речь идет о γεωργός, ко-